

ЗАКОН «О ПОЛИЦИИ»: PRO ET CONTRA

Как Вы оцениваете законопроект «О полиции»? Приведет ли принятие закона к ощутимым положительным результатам? Какая норма закона, на Ваш взгляд, самая удачная и какая самая опасная?

Борис Полонский,

профессор,
заслуженный юрист РФ:

— Положительна сама идея принятия нового закона, который напрямую касается каждого гражданина. Беспрецедентно столь широкое обсуждение важнейших положений проекта, которое свидетельствует о нашей общей заинтересованности в укреплении порядка в стране. Качество любого закона, особенно этого, является предпосылкой для его надлежащего исполнения. Принятие данного закона — это лишь первый и необходимый шаг по пути к ожидаемым результатам. Многое будет зависеть от его последовательного проведения в жизнь. К сожалению, положительные результаты, особенно в вопросах правопорядка, достигаются медленно, совместными усилиями государства и общества. Мы вправе рассчитывать, что никаких опасных норм в законе не будет.

Владимир Радченко,

первый заместитель Председателя Верховного Суда РФ в отставке, руководитель центра Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ:

Генрих Падва,

адвокат:

Леонид Головки,

профессор кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук:

— Само по себе переименование ничего не даст. Например, переименовывали ГАИ в ГИБДД — и каков результат? Проблемы остались все те же... Кроме того, я как коренной житель Брянской области полагаю, что все население тех мест, которые были захвачены немцами, будут с крайним презрением относиться к полицейским, так как полицейскими называли предателей, которые шли работать на немцев. Кроме того, термин «милиция» появился в 1917 г. еще при Временном правительстве, и лишь потом советская власть переименовала ее в народную милицию, так что само название «милиция» вполне годится.

— Есть такая старинная русская поговорка: «Назови хоть горшком — только в печь не ставь». Ничего, конечно, от переименования не произойдет. Все проблемы наших законов заключаются в том, что их исполнение ничем не гарантировано. Вопросов, которые необходимо урегулировать в новом законе о милиции очень много, надо работать над четкостью формулировок, добиваться того, чтобы положения закона не носили исключительно декларативный характер. Особенно важно, чтобы в новом законе было детально урегулировано взаимоотношение милиции и СМИ.

— Отказ от советско-большевистской «милиции» и переход к универсальной «полиции» есть несомненная удача законопроекта. В противном случае многие фундаментальные правовые конструкции, построенные на строгом разграничении полицейской, прокурорской и судебной функций, невозможно ни объяснить, ни понять. Так что речь здесь идет не о символах или игре в слова, а о вполне конкретной правовой материи.

Но терминологической реформой (пусть и удачной) все дело и ограничивается. В этом смысле шумиха вокруг законопроекта, рассуждения о глобальной реформе полицейской деятельности и т.д. просто-напросто изумляют. Понятно, что PR-кампания в последнее время становится едва ли не самоцелью большинства правовых реформ, направленных на «совершенствование» и «гуманизацию», но не до такой же степени. Милиция-полиция как имела «право» беспрепятственно входить в жилые и особенно часто в нежилые помещения, пренебрегая нормами УПК, так по-прежнему и будет его иметь (п. 34 ст. 13 проекта). Милиция-полиция как имела не менее странное «право» беспрепятственно знакомиться в организациях с любыми документами или даже «статистическими данными» (без проведения какого-либо официального расследования), так и будет его иметь (п. 5 ст. 13 проекта). Она как занималась всласть «ревизией финансово-хозяйственной деятельности», так и будет ею заниматься (п. 11 ст. 13 проекта). Она как возбуждала уголовные дела еще до проведения расследования в полном соответствии с

доморощенной конструкцией образца 1930-х годов, хотя во всем «цивилизованном мире» возбуждение так называемого уголовного иска происходит по результатам расследования, так и будет этим заниматься (п. 9 ст. 12 проекта) под всеобщие сетования о «заказных» уголовных делах. О каких «положительных результатах» в такой ситуации можно вести речь? Да и откуда им, собственно, взяться? Власти уже с десяток лет бродят в трех соснах глубоко советского правового менталитета, нежелания ничего менять из-за панического страха перед утратой привилегий новых «феодалов» и попытками хоть как-то учесть советы хорошо известных иностранных экспертов, щедро дающих однотипные консультации во всех странах постсоветского пространства. Сомневающимся можно посоветовать почитать августовский указ Назарбаева о все той же «гуманизации», «реформе полиции» и т.д. в Казахстане. Возникает острое ощущение, что медведевская и назарбаевская реформы написаны одними авторами.

Что касается самого удачного положения закона, то оно очевидно — смена наименования. Неудачных или опасных — целый букет. Но особое омерзение (другого слова не подберу) у любого нормального порядочного человека вызывает стремление вывести новую полицию на авансцену борьбы с пресловутым «экстремизмом», под которым отечественные унтеры Пришибеевы нередко понимают вполне здоровую политическую активность людей, не склонных петь осанну правящему дуумвирату, а также подключение все той же полиции к избирательному процессу (подп. 14, 33 и др. ст. 12 проекта). Здесь, как говорится, комментарии излишни...

Юрий Костанов,

адвокат, кандидат юридических наук:

— Проекту закона «О полиции» по части общественного внимания повезло больше, чем другим законопроектам. Даже проекты УК и УПК не вызвали такого количества откликов. Хотелось бы надеяться, что это признак пробуждающегося в обществе осознания важности правовой составляющей нашего бытия. Вероятнее, впрочем, что повышенное внимание объясняется более «тесными» отношениями милиции с гражданами.

Самая широкая публика — как юридическая, так и неюридическая — чаще всего упоминает о грядущей перемене названия. Это и понятно. Пожалуй, переименование составляет самое радикальное отличие законопроекта от действующего Закона «О милиции». Все остальное — это фактически тот же старый закон, подвергшийся «текущему ремонту»: какие-то нормы изложены лучше, какие-то — хуже. Почти все статьи развернуты, нормы изложены не в одной статье, а в нескольких, отчего закон стал более громоздким, его изучение и понимание личным составом, даже если их назовут полицейскими, затруднено. А ведь необходимо, чтобы закон был понят и прочувствован не только и не столько сотрудниками учебных и научных учреждений и большими начальниками, но и рядовыми сотрудниками. Неужели разработчики закона всерьез считают, что у нас, как в Чикаго или (прости господи) в Грузии, в кадровых службах МВД толпятся очереди кандидатов в милиционеры все сплошь с высшим образованием? Ведь даже не все следователи Следственного комитета при МВД — и даже в Москве,

где нет недостатка в юридических вузах — имеют высшее юридическое образование.

Закон откровенно грешит уничижительным отношением к судебному контролю и прокурорскому надзору. В ряде норм полиция наделяется правом совершения процессуальных действий без поручений следователя либо дознавателя. Совершенно одиозно выглядит право полиции согласовывать проведение разного рода общественных мероприятий — что, местные власти уже утратили доверие? В проекте много неоправданных повторов и неконкретных ссылок на иные законы, в том числе на УПК. В то же время в некоторых случаях там, где это необходимо, такие ссылки отсутствуют. В частности, довольно подробно регламентируется применение силы, оружия и спецсредств, но при этом вообще не упоминаются нормы уголовного закона о необходимой обороне, крайней необходимости и причинении вреда при задержании.

Думается, однако, что в постатейном анализе сейчас нет смысла. Отведенного на обсуждение и принятие законопроекта времени явно недостаточно для серьезной проработки. Законопроект сырой, и в таком виде его принимать нельзя.

Несколько слов о переименовании. Нельзя сказать, что переименование милиции в полицию встречено с восторгом. Да, умом это почти все понимают — наша милиция практически никогда не была тем, что следует понимать под этим названием. Это на самом деле на профессиональной (т.е. на постоянной и платной) основе выполняющий свою работу. Но как быть с эмоциональной составляющей? Как показали многочисленные отзывы, слово «полиция» в общественном сознании прочно связано еще с царской полицией (не надо тешиться надеждой на народную державность, она очень далека от любви к монархии, наш государственный герб, повторяющий «до степени смешения» герб императорской России, вызывает не столько уважение к святыням, сколько нескрываемую иронию). Царская полиция в историческом сознании общества сохранила весьма негативные оценки. Еще более негативное отношение порождает ассоциация с полициями на оккупированной территории во время Великой Отечественной войны. Да и вряд ли переименование может помочь делу. В 60-е годы прошлого века все это ведомство называли органами охраны общественного порядка (многие, вероятно, помнят все эти МООПы, УООПы). Ну и что изменилось?

Для радикальной реформы нужны не переименования и косметический по сути «ремонт» закона, а политическая воля. Ведь милиция мало чем отличается от прочих властных структур — и расплодившееся количество больших начальников с низкой квалификацией, и почти поголовная коррумпированность, и правовой уже не нигилизм даже, а правовой цинизм. Все такие, милицию просто лучше видно и ее недостатки больнее сказываются. Милиция — инструмент, исполнители, решают не они — команду на вырубку Химкинского леса или разгон неугодных митингов дали не милицейские начальники.

Генри Резник,

адвокат:

Игорь Трунов,

адвокат, доктор юридических наук,
профессор:

— Быстрых изменений ожидать не стоит. Для реальных результатов необходимо увеличить заработную плату сотрудников и обеспечить достойный социальный пакет. Набор должен превратиться в отбор. Необходимо организовать федеральную и муниципальную полицию. Последняя должна выбираться самим населением, ее задача — обеспечение общественного порядка.

— Закону о полиции должна предшествовать концепция реформирования МВД, в которой будут излагаться в том числе принципы сокращения раздутых административно-руководящих штатов и функций, не имеющих отношения к целям и задачам полиции. Целесообразно запретить полиции заниматься коммерческой деятельностью. Вневедомственная охрана должна обслуживать только государственные объекты, установленные Правительством РФ.

В России самое большое количество милиционеров на душу населения, при отсутствии сокращения численности и увеличении их материального обеспечения, соцпакета, зарплаты это непосильное бремя для бюджета государства.

Уместен переход ряда функций к отдельным структурам. Имеет смысл отделить экспертно-криминалистические функции в отдельную независимую структуру, объединить следственные органы страны в единый независимый следственный комитет, принять закон о следственных органах, в котором будут закреплены функции по расследованию преступлений (в том числе и самое большое следственное подразделение МВД). Функции контроля над деятельностью частных охранных организаций передать прокуратуре РФ. Медицинская служба МВД должна быть в системе федерального здравоохранения со всей сетью полукommerческих больниц, поликлиник, аптек, санаториев, профилакториев, домов отдыха и т.п. Должно быть проведено существенное сокращение непрофильных вузов (сегодня их 82, из них необходимыми являются ВНИИ МВД, Академия МВД и Институт повышения квалификации и переподготовки). На коммерческую независимую основу нужно перевести сети спортивных сооружений: стадионы, бассейны, ледовые дворцы и т.п., упразднить профессиональный спорт в системе полиции. При достойной зарплате сотрудник должен иметь право покупать эти услуги на конкурентной основе.

Разумно было бы разделение полиции на федеральную, криминальную и муниципальную, управление ГИБДД, установление выборности участковых (по принципу шерифов в США).

Законопроект «О полиции» существенно расширяет полномочия полиции и содержит все изъяны старого законодательства, при этом не затрагивает наиболее болезненные вопросы.

Несовершенство законопроекта проявляется в наличии целого ряда нечетких и противоречивых положений, что будет приводить к их произвольному использованию и тем самым нарушать права и свободы человека.

В законопроекте сохранилась излюбленная пробельность, положение ст. 15 Закона о милиции — «при наличии достаточных оснований полагать» — перекочевала и в законопроект. Широкий простор для усмотрения правоприменителя — питательная среда коррупции.

Имеет смысл включить в законопроект раздел «Термины и определения», где будут четко раскрыты такие понятия, как применение оружия без предупреждения при «наступлении иных тяжких последствий», «повреждения здоровья», «охрана общественного порядка, собственности», «обеспечение общественной безопасности» и т.п.

Болезненный вопрос — «палочная система» отчетности, регламентируемая подзаконными внутриведомственными актами, приводящая к большому проценту фальсификаций, осуждениям невиновных — так и остается неразрешенным и не затрагивается в законопроекте.

Представленный проект содержит большое количество отсылочных норм — «в порядке, определяемом Правительством РФ». Необходимо в законе предусматривать только императивные нормы, а отсылочные практически не использовать. Так можно будет добиться его правильного толкования и применения.

В законопроекте появляется презумпция законности действий сотрудника полиции (ст. 32). Презумпция законности перевешивает конституционную презумпцию невиновности. Законные требования сотрудника полиции обязательны для выполнения гражданами и должностными лицами. Требования сотрудника полиции, обращенные к гражданам и должностным лицам, и предпринимаемые им действия считаются законными до тех пор, пока в предусмотренном законом порядке не будет установлено иное (п. 2 ст. 32).

Пунктом 7 ст. 32 определено, что показания сотрудника полиции по уголовному делу или по делу об административном правонарушении оцениваются наравне с иными доказательствами, полученными в установленном федеральным законом порядке. Это усугубляет проблему несправедливости расследования административных правонарушений. Показания полицейского — как правило, единственное доказательство по административным делам. Это нарушает конституционный принцип состязательности.

Положения законопроекта также нарушают конституционный принцип гласности. В п. 11 ст. 30 «Запреты, связанные со службой в полиции» установлено, что сотруднику полиции запрещается допускать публичные высказывания, суждения и оценки, в том числе в средствах массовой информации, в отношении деятельности государственных органов и их руководителей, а также решений федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Не соответствует Конституции РФ и ст. 29 законопроекта. В соответствии с Основным законом каждому гарантируется свобода мысли и слова, никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них, каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Статья 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод гласит: «Каждый человек имеет право на свободу выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ». Аналогичные положения закрепляются и ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. Также положения законопроекта не соответствуют Федеральному закону от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», а именно ст. 3, в соответствии с которой основным принципом построения и функционирования системы государственной службы в том числе является «открытость государственной службы и ее доступность общественному контролю, объективное информирование общества о деятельности государственных служащих».

В законопроекте отсутствует регламентация служебного времени (аналогично ст. 18 Закона «О милиции»). Законопроект (ст. 27) наделяет правом сотрудника полиции независимо от занимаемой должности в любое время, в любом месте, в любом состоянии пользоваться широкими правами и иммунитетом, предусмотренными законом.

Несмотря на то, что мы так долго боролись за судебный порядок производства обыска жилища (в соответствии со ст. 25 Конституции РФ жилище неприкосновенно), законопроект позволяет беспрепятственно входить (проникать, вышибать двери, в том числе с использованием огнестрельного оружия) в жилые помещения и иные помещения граждан и организаций (ст. 13). Обо всех случаях вхождения (проникновения) в жилое помещение помимо воли находящихся там граждан полиция должна будет уведомлять прокурора в течение 24 часов (ст. 15). Целесообразно предусмотреть необходимость судебного решения и уведомления суда.

Законопроект предоставляет возможность (ст. 13) беспрепятственно пользоваться средствами связи, принадлежащими организациям, гражданам, использовать транспортные средства организаций и граждан; речь идет о случаях пресечения преступлений или если сотрудник полиции посчитает это необходимым (погоня, стрельба). О возмещении вреда речь не идет, по аналогии с Законом «О противодействии терроризму» предусмотрена отсылочная норма на постановление Правительства РФ, где также не говорится о компенсации вреда, а лишь о возмещении расходов.

Имеет смысл более четко прописать применение оружия (в том числе и личного) без предупреждения. Сейчас формулировки расплывчаты и обтекаемы.

Наконец, п. 5 ст. 14 предусмотрено, что в полиции в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, ве-

дется реестр лиц, подвергнутых задержанию. Целесообразно ведение единого федерального электронного реестра задержаний во избежание манипуляций и фальсификаций.

Александр Тонконог,

адвокат Московской коллегии адвокатов «Арутюнов и партнеры»:

— Однозначно можно сказать, что кардинального изменения сложившейся ситуации принятие нового закона не принесет. Переписав закон на современный лад, законодатель хочет пойти по пути наименьшего сопротивления, не задумываясь, что истоки проблем с милицией связаны не только с наименованием данного ведомства или кругом его полномочий. Необходимо проводить колоссальную комплексную работу, основными направлениями которой должны стать существенное увеличение заработной платы сотрудников милиции, усиление внутриведомственного контроля и упразднение многочисленных служб, которые занимаются несвойственными милиции функциями. Сотрудник милиции, имея достойный уровень заработной платы и социальных льгот, сам будет стремиться работать более качественно и бояться за свое рабочее место.

Григорий Чернышов,

партнер адвокатского бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры»:

— Закон «О милиции» действует уже почти 20 лет. В него неоднократно вносились разнообразные изменения, в том числе с учетом правовых позиций Конституционного Суда. Последний раз этот Закон менялся в конце декабря 2009 г. Иными словами, по нему живет в течение 20 лет огромная система. В этой связи возникает вопрос: зачем нужен новый закон? Неужели старый Закон, несмотря на многочисленные внесенные в него изменения, настолько плох, что отдельными изменениями его не улучшить, а необходим именно новый закон? Видимо, новый закон должен принципиально по-новому урегулировать правоотношения в связи с функционированием органа, который сейчас называется милицией.

Даже беглое прочтение законопроекта «О полиции» не оставляет никаких сомнений в том, что ничего принципиально нового в связи с его принятием у нас не появится. Законопроект содержит больше, чем действующий закон, красивых слов об уважении прав и свобод человека и пр. Но, по сути дела, регулирование деятельности милиции осталось прежним.

Но разве проблема действующих органов милиции в отсутствии в законе этих красивых слов? Проблема в том (и едва ли это является секретом), что в органах милиции много сотрудников, для которых все эти красивые и правильные слова являются пустым звуком. Эти же самые сотрудники, сменив одну форму на другую и став называться полицейскими, не перестанут злоупотреблять спиртными напитками, избивать граждан на улицах и в учреждениях полиции, а часть полиции, которая ведает безопасностью движения, не перестанет брать взятки у водителей транспортных средств.

Исходя из этого, я думаю, что с принятием этого закона ничего в организации действующей милиции кардинально не изменится. Какое-то время по-

Сергей Казаков,

юрист корпоративной практики
Юридической фирмы *Sameta*:

сле его принятия будет больше хаоса и неопределенности, поскольку нужно будет понять, как должны применяться те или иные нормы нового закона, принять необходимые подзаконные акты и пр. Потом все это нормализуется, и если кардинально не заняться чисткой рядов сотрудников милиции, улучшением их бытового и социального содержания, воспитательной работой, то все вернется на круги своя и мы будем наблюдать тех же самых милиционеров, не уважающих закон и права и свободы граждан, но в полицейской форме.

Хочется думать, что это не так, но создается впечатление, что кто-то решил заменить правильную инициативу Президента нашей страны по кардинальному реформированию деятельности органов внутренних дел большой законотворческой шумихой.

— При внимательном изучении законопроекта создается впечатление, что Закон «О милиции» просто актуализировали, приведя терминологию и отдельные его положения к более современному, так сказать, модному состоянию. Для этого законопроект снабжен значительным количеством декларативно-популистских положений, которые можно расценить лишь как красивый камуфляж, скрывающий несовершенство нормативного правового акта. В нем нет рабочих норм права, призванных улучшить существующее состояние правопорядка.

Одну из таких «рюшечек» стоит процитировать целиком: «Сотрудник полиции не имеет права прибегать к пыткам, насилию, жестокому, бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению либо наказанию. Сотрудник полиции не должен поощрять и осуществлять любое действие, которым гражданину умышленно причиняются боль, физическое или нравственное страдание в целях получения от него или от иного лица сведений либо признания, наказания его или иного лица за совершенные действия или за действия, в совершении которых они подозреваются» (ч. 3 ст. 5 законопроекта «О полиции»). Создается впечатление, что милиционеры просто обязаны были ЭТО делать — смешно. Почему исключена старая формулировка: «Милиции запрещается прибегать к пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению» (абз. 2 ст. 5 Закона «О милиции»)? На этот вопрос в законопроекте ответа нет.

При этом право милиции в оговоренных законом случаях «входить беспрепятственно в жилые и иные помещения граждан, на принадлежащие им земельные участки» (п. 18 ст. 11 Закона «О милиции») и ранее существовало и активно использовалось уполномоченными сотрудниками. А «изменение» уже существующих норм права, которые отражены в ст. 15 закона «О полиции», практически не предоставили правоохранительным органам ничего нового, кроме, собственно, названия.

Тем не менее есть и критичные изменения. Ранее у милиции (ст. 10 Закона «О милиции») одной из первостепенных обязанностей было «предотвращать

и пресекать преступления и административные правонарушения; выявлять обстоятельства, способствующие их совершению, и в пределах своих прав принимать меры к устранению данных обстоятельств». Полиция в свою очередь согласно п. 1 ч. 1 ст. 12 законопроекта будет обязана только «защищать от преступных и иных противоправных посягательств жизнь, здоровье, права и свободы, а также имущество граждан», что, кстати, не соответствует п. 1 ч. 1 ст. 2 законопроекта. То есть никаких мер профилактики, только реагирование на возникшую ситуацию. Вряд ли такое изменение концепции организации деятельности основного органа правопорядка скажется положительно на состоянии общественного порядка. Вот только проверить это возможно только опытным путем, проведя эксперимент над нашим обществом.

Говоря коротко, считаю законопроект очень сырым и не отвечающим существующей ситуации, ввиду чего он требует очень серьезных доработок.

Александр Арутюнов,

адвокат, доктор юридических наук.

— На мой взгляд, законопроект «О полиции» сырой и написан на скорую руку. Судя по содержанию, документ готовился в недрах МВД, и если бы не предложение Президента страны, то даже «вывеска» осталась бы прежней. Однако от изменения названия законопроект стал еще хуже, поскольку в его нынешнем виде содержание не соответствует форме. Законопроект вообще зачастую повторяет почти дословно статьи действующего Закона о милиции и не создает впечатления «революционного». Может быть, это и хорошо. Но проблема в том, что законопроект однозначно не ставит заслон возможному произволу со стороны будущей полиции. Например, ст. 5 действующего Закона «О милиции» запрещает милиции прибегать к пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Запрещены указанные преступные действия и законопроектом о полиции. Возникает резонный вопрос: почему это происходит сейчас, если запрет установлен действующим законом? Очевидно, что дело не в формальном провозглашении отказа от пыток, а в обеспечении выполнения требований закона. Каким образом это будет обеспечиваться? Ответа на этот вопрос в законопроекте нет. Но ведь известно, что, как правило, пытки и насилие применяются для выбивания «нужных» показаний. В этой связи, как представляется, необходимо установить в законе принцип приоритетности показаний в суде над показаниями, данными в ходе досудебного производства. Тем самым пытки и насилие потеряют всякий смысл. Могут возразить, что тогда будет невозможно расследовать преступления и волна преступности захлестнет страну. Не захлестнет, если будущая полиция будет работать как положено, но для этого необходим, в частности, качественно иной закон о полиции. Полагаю в этой связи, что обсуждение законопроекта надо прекратить и начать готовить новый законопроект «О полиции», в котором форма будет соответствовать содержанию.

Олег Скворцов,

советник международной
юридической компании *DLA
Piper*, профессор юридического
факультета СПбГУ, доктор
юридических наук:

— Среди наиболее значимых проблем деятельности полиции (милиции) следует назвать проблему создания действенных механизмов контроля за ней. Очевидно, что контроль, осуществляемый самим государством, крайне неэффективен. В качестве своего рода альтернативы государственному контролю за полицией видится общественный контроль, осуществляемый организациями, не инкорпорированными в систему государственной власти. В этом смысле можно приветствовать те положения законопроекта, в которых приняты попытки установить юридические начала такого контроля. Вместе с тем попытка разработчиков законопроекта представляется крайне неудачной по той причине, что авторы ограничились декларативными положениями, в которых провозглашается необходимость общественного контроля за деятельностью полиции. Между тем без формирования реальных правовых механизмов, позволяющих общественности контролировать полицию, вряд ли декларации законопроекта будут претворены в жизнь.

Конечно, в данном случае возникают вопросы юридико-технического характера. Так, например, подлежит обсуждению вопрос о том, стоит ли «базовый» законопроект перегружать деталями? Может быть, целесообразнее прописать в законопроекте систему бланкетных норм, которые бы предусматривали обязательное принятие специальных законов, регламентирующих процедуры и правила, на основании которых должен осуществляться контроль за деятельностью полиции? Но в любом случае этот вопрос представляется основным, поскольку его реализация будет одним из важнейших средств эффективного действия закона о полиции.

Ирина Цокуева,

доцент кафедры уголовного права
и криминологии юридического
факультета Кубанского
государственного университета,
кандидат юридических наук:

— В целом законопроект можно охарактеризовать положительно. Но вместе с тем при всей глубине его содержания и многосторонности отражения направлений деятельности и функционирования органов МВД России основной вопрос, волнующий общество и специалистов, остался в недоработанном состоянии. Это вопрос, касающийся применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками полиции.

Так, в ч. 2 ст. 19 законопроекта предусмотрена возможность применения физической силы, специального средства или огнестрельного оружия без предупреждения, «когда такое предупреждение является неуместным или невозможным». В данном случае категории «неуместность» и «невозможность» являются оценочными, грань которых каждый из сотрудников полиции будет определять субъективно, при этом ссылаясь на право применения оружия по закону.

Более того, на мой взгляд, является недопустимым возможность применения огнестрельного оружия в отношении лиц, совершивших административное правонарушение (ч. 3 ст. 19 законопроекта). Ни характер, ни степень общественной опасности ни одного административного правонарушения не могут быть соразмерны возможности применения огнестрельного оружия.

Некоторые положения законопроекта не соответствуют нормам действующего УК (речь идет о ст. 37, 38 УК РФ). Так, в п. 6 ч. 1 ст. 23 законопроекта применение огнестрельного оружия для отражения группового нападения не всегда будет соответствовать соразмерности средств защиты характеру и степени общественной опасности посягательства (например, двух невооруженных лиц). Часть 2 ст. 24 закрепляет право произвести выстрел на поражение нападающего, если лицо попытается «достать что-нибудь из одежды». Размытая формулировка, с использованием абсолютно неправомерной терминологии позволяет буквально толковать закон, который заведомо направлен на превышение мер, необходимых для задержания лица, поскольку в самой законодательной формулировке нарушены условия правомерности.

Законопроект закрепляет разовый медицинский осмотр при трудоустройстве. Однако целесообразно законодательное закрепление постоянной системы контроля за психическим состоянием здоровья сотрудников полиции в течение всей службы в органах МВД России.

Иван Кидяев,

адвокат Московской коллегии адвокатов «Арутюнов и партнеры»:

— Д.А. Медведев, заступив на президентский пост, назвал коррупцию главной проблемой нашей страны. Безусловно, больше всего указанная проблема проявляется в системе МВД. Поэтому основное внимание общественности, которая ждет решения данной проблемы, сосредоточена на милиции. Коррупция в системе МВД, а также ряд других моментов (например, ситуация с экс-главой ОВД «Царицыно» г. Москвы майором Евсюковым) пробудили большой резонанс не только в России, но и за границей. Именно поэтому решение данной проблемы взял под личный контроль Президент РФ. Апогеем работы Президента и всего государственного аппарата по улучшению милиции стал обсуждаемый всеми в настоящее время законопроект «О полиции». Однако я, к сожалению, ознакомившись с данным документом, считаю, что он абсолютно никак не повлияет на милицию, за тем исключением, что она будет называться полицией. К такому изменению я отношусь отрицательно, так как никакой практической надобности в этом нет. В новом законопроекте нет положений, которые позволят избежать тех трудностей в системе МВД, которые существуют сегодня. Лично я увидел в законопроекте только изменения «технического» характера, но, как известно, от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Абсолютно не решается проблема с низким уровнем социальной и материальной обеспеченности сотрудников МВД, что, на мой взгляд, является главной проблемой коррупции в этой системе.